Текст · 15 октября 2020, 10:56
Дмитрий Швец,

Опер, агент, провокатор и «непрерывно бухающая пьянь». История челябинской «ячейки НБП» от создания до приговора

Суд в Челябинске вынес решение по делу о продолжении деятельности запрещенной Национал-большевистской партии. Обвиняемыми были трое подростков, а дело строилось на показаниях засекреченных свидетелей. Корреспондент «Медиазоны» Дима Швец встретился с вышедшими на свободу после приговора нацболами, а те рассказали, как в их группе из шести человек оказались оперативник ФСБ и два агента спецслужбы.

Вредное чтение

Силовики часто с фантазией относятся к подбору псевдонимов для засекреченных свидетелей: Жеглов, Рюрикович, Иван Лапшин. В Челябинске в деле о продолжении деятельности[1] запрещенной Национал-большевистской партии изначально были засекреченные свидетели-однофамильцы: Демидов А. Д. и Демидов А. В. Один Демидов — внедренный ФСБ оперативник, второй позже получил псевдоним Давыдов, он информатор спецслужбы.

«У нас для них были клички: один был Толстый, а второй — Баклажан. Баклажан — мент, а толстый — информатор», — говорят Артем Голубев и Александр Крышка. Друзьям по 18 лет. Они провели по этому

делу три месяца в СИЗО, получили условные сроки и теперь со смехом вспоминают свои приключения за последние полгода.

Голубев и Крышка познакомились еще в школе, из которой ушли после девятого класса. Крупный и громкий Голубев поступил в колледж на специальность юриста-криминолога, но ушел после года обучения из-за прогулов, Крышка учится работе с программируемыми станками.

Артем стал зачитываться Эдуардом Лимоновым и вдохновился его взглядами. Ездил в Москву, заходил в «бункер»[2] нацболов, подал заявку на вступление в «Другую Россию», присоединился к региональному сообществу во «ВКонтакте». Крышка о себе говорит, что он никакой особенной идеологии не придерживается: «Я за любой движ, движняк есть — уже хорошо».

В марте 2020 года Голубев опять поехал в Москву, взял билет на сидячее место, стал читать Лимонова. Его сосед тоже читал Лимонова — познакомились, обменялись контактами в телеграме, договорились встретиться в Челябинске.

В Москве, рассказывает Артем, нацболы подарили ему книжку с личной подписью Лимонова, а на следующий день, 17 марта, автор умер — Голубев уверяет, что ему достался экземпляр с последним автографом писателя и политика.

В конце марта он вернулся в Челябинск. У Артема был небольшой опыт участия в мероприятиях «Другой России» в городе: он расклеивал листовки, сходил на

митинг против Томинского горно-обогатительного комбината, но это было ему не слишком интересно, и молодой человек решил «повысить градус ***** [фигни]».

> Национал-большевистская партия была создана в 1993 году писателем Эдуардом Лимоновым. В 2007 году суд признал ее экстремистской и запретил. В июле 2010 года Лимонов создал новую партию, «Другая Россия», которую Минюст так и не зарегистрировал. Символика НБП — серп и молот, вписанные в круг на красном фоне — также была признана экстремистской, «Другая Россия» на своих флагах изображала гранату Ф-1, «лимонку».

Артем уклончиво рассказывает, что ему «доносили» о тех, кто интересовался национал-большевизмом в Челябинске. У Голубева и Крышки появился единомышленник — Михаил Просвирнин, он всего на год старше школьных приятелей. Вскоре к компании присоединился еще один человек на несколько лет старше, представлявшийся Александром — за неславянскую внешность его за глаза называли Баклажаном. Связался с Артемом и его попутчик в поезде, читавший Лимонова — он сказал, что его зовут Егор Краснов.

На самом деле Александр-Баклажан был оперативником ФСБ, а Егор — не Красновым, а Петряковым. У 26-летнего мужчины как раз подходил к концу испытательный срок, назначенный по делу об участии и финансировании экстремистского сообщества, а также хранении боеприпасов. Голубев

уверяет, что не знал даже настоящей фамилии старшего приятеля, не то что таких деталей его биографии.

В начале апреля нацболы из Москвы попросили Голубева организовать ночлег для товарища, который будет проездом в Челябинске — с деньгами на съем квартиры, со слов Артема, помог Петряков. Молодые люди решили выпить в снятой квартире, но Петряков пришел не один, а с другом, своим ровесником, который сам представлялся Александром. Его юные активисты окрестили Толстым, позже он появится в уголовном деле как информатор ФСБ под псевдонимом Давыдов.

В этот день, 19 апреля, считает следствие, и была создана челябинская ячейка запрещенной еще в 2007 году Национал-большевистской партии. Общались они чаще всего вшестером: едва достигшие совершеннолетия Голубев, Крышка и Просвирнин и трое постарше: Баклажан, Толстый и Краснов-Петряков.

«Вместе пили, обсуждали идеи, политические взгляды; по сути со всеми на равных общались, все бухали сильно и слабо», — вспоминают друзья и в шутку расшифровывают НБП как «непрерывно бухающая пьянь».

Артем Голубев. Фото: Челябинское дело / ВКонтакте

«Маленькие любители экстремизма»

В начале апреля в разгар карантина власти одного из районов Праги снесли памятник советскому маршалу Ивану Коневу. «У него не было маски. Правила одинаковы для всех. Выходить на улицу можно только надев маску или другое средство, прикрывающее рот и нос», — шутил староста Праги 6 Ондржей Коларж. Демонтажом статуи возмущался Кремль и МИД, а московские нацболы кинули на территорию посольства несколько дымовых шашек.

Челябинские решили не отставать от столичных товарищей. Быстро нашли объект для символической атаки: у железнодорожного вокзала как раз стоит мемориальная доска чехословацким легионерам[3] — «белочехам». На акцию в ночь на 25 апреля они отправились вшестером, подготовившись в квартире, снятой посуточно.

Крышка снимал акцию, Толстый, по воспоминаниям друзей, держал флаг «Другой России» с «лимонкой», Петряков и Александр-Баклажан развернули растяжку с лозунгом «За Конева ответите!», Просвирнин поднял над головой файер. Голубев долбанул несколько раз кувалдой по монолитной гранитной плите, понял, что серьезного ущерба ей не причинит, и скомандовал расходиться.

«Я прям со всей силы бил, а он ничего. Адреналин был, менты ходят постоянно. Шесть человек баннер тащили два километра», — делится впечатлениями Артем.

Вернувшись на съемную квартиру, участники акции стали смотреть отснятое видео. Они были разочарованы: файер должен был давать свет, а вместо этого дымил, видео получилось очень темным. Кое-как смонтировав, ролик отправили в «Другую Россию». Организация опубликовала его в своих соцсетях.

Артем признается: была «крамольная мысля» той же ночью поджечь отдел ФСБ, о чем он сказал в пьяном разговоре — и позже из бесед с силовиками молодому человеку стало ясно, что они об этом предложении знали.

«Как мне сказали, нас СОБР у [здания] ФСБ уже ждал — возможно, из-за этого и не задержали у памятника. Должны были, потому что [внедренный] мент участвовал [в попытке повредить памятник чешским легионерам]», — рассказывает юноша.

Согласно материалам дела, Толстый обратился в ФСБ только после акции: тайно записывал встречи и вообще действовал под контролем оперативников.

Повод для следующей акции появился меньше, чем через три недели: в Челябинске полицейского арестовали за то, что он избил и изнасиловал дубинкой задержанного. Идею Артем Голубев тоже приписывает себе: сфотографироваться на фоне прокуратуры Ленинского района с баннером «Вместо русских на дубинки мы посадим мусоров *#RLM*[4]» и бросить на землю у здания два коктейля Молотова.

Артем утверждает, что об акции он предупредил одного из членов исполнительного комитета «Другой

России», тот наказал: «Если что, мы вам поможем, но вы — не мы». В обвинительном заключении, впрочем, говорится, что бутылки с зажигательной смесью планировалось бросать не рядом, а непосредственно в здание прокуратуры.

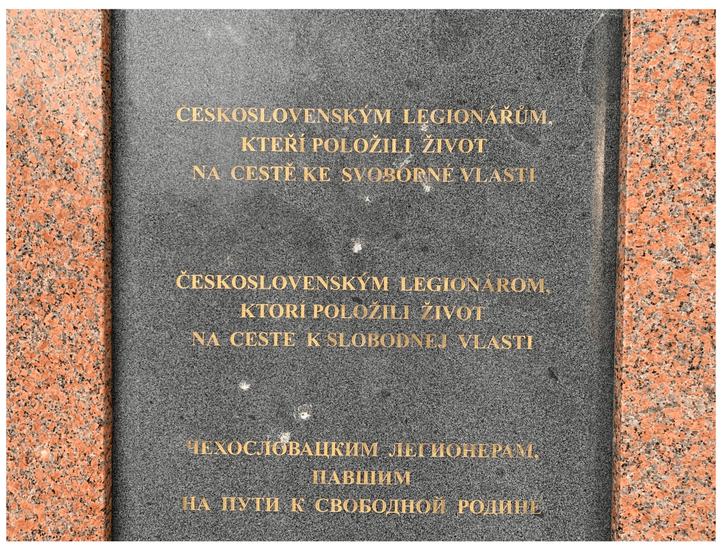
«Прокуратура — потому что мера пресечения и дисциплинарные взыскания, в любом случае — потому что прокуратура. Первоначально было желание на отдел полиции идти, но этот совсем ****** [идиотизм] был бы, еще б колени прострелили. Все равно здание не должно было пострадать, — реконструирует Голубев задумку акции. — Она была вне левого дискурса».

Спустя несколько встреч с непременным употреблением алкоголя, в ночь на 8 июня, подготовившись на съемной квартире, они отправились к зданию почти таким же составом, как и к памятнику легионерам. Не пошел только Петряков — со слов друзей, сказался заболевшим.

Товарищи сделали фото с растяжкой и только достали бутылки с зажигательной смесью, как вдруг раздались выстрелы и крики «Полиция!» — их повалили на землю. Они вспоминают фразу «Ну что, мои маленькие любители экстремизма» и слово «гауляйтер»[5] по отношению к Голубеву, теперь — единственному за долгие годы задокументированному лидеру ячейки давно запрещенной НБП, продержавшемуся на своем посту чуть больше двух месяцев.

Из-за акции с памятником МВД возбудило уголовное дело о вандализме[6]. «Участие оперативника в

акции — это неприемлемо, это все-таки уголовное преступление. Насколько я знаю, они не должны участвовать в уголовных преступлениях. Из показаний следует, что оперативник знал, что будут наноситься удары кувалдой по памятнику. На мой взгляд, вторая часть оперативного эксперимента с прокуратурой — это специально спровоцированная штука, юридически просто ****** [капец]» — недоумевает Ольга Шалина, бывшая глава московского отделения «Другой России» и член исполнительного комитета этой уже самораспустившейся партии.



Следы от кувалды на памятнике чехословацким легионерам — «белочехам». Фото: Дима Швец / Медиазона

Свастика до кучи

Вопрос о политической принадлежности задержанных встал сразу после их встречи с силовиками.

«Нас посадили: вы — НБП? Нет, мы — "Другая Россия". В смысле "Другая Россия"? Вы — НБП!» — вспоминает Голубев один из первых, неформальных разговоров с сотрудниками ФСБ.

При задержании у них изъяли повязки с серпом и молотом, вписанными в белый круг на красном фоне — символикой запрещенной Национал-большевистской партии.

Артем объясняет: во-первых, сочувствующая нацболам школьница не смогла изготовить повязки с символикой «Другой России» — «лимонкой», и поэтому было решено использовать более простую в изображении символику. Во-вторых, молодые челябинцы не хотели подставлять легально действующую организацию: «все-таки коктейли Молотова и прокуратура». Вдобавок при обыске нашлась повязка со свастикой — ее происхождение Голубев объясняет фразой «просто сделали до кучи».

Почти сразу друзья поняли, что Баклажан и Толстый были связаны с силовиками. Сейчас они говорят, что можно было догадаться и раньше: они на несколько лет старше, плюс «желание дистанцироваться от того, чтобы грудью на пулемет лечь, и у ментов лица специфические». Вспомнилось, что Баклажан должен был разведать обстановку у здания прокуратуры: нацболам он сказал, что там нет камер, хотя они были.

«Прикинь, под твоим командованием старперы — это ж как ты окрыляешься? Ты говоришь старперу — иди мне то-то сделай, проведай путь, и старпер такой: ну хорошо», — откровенничает Крышка.

В первые дни Голубев и Крышка дали признательные показания и заключили досудебные соглашения о сотрудничестве со следствием. Артем вспоминает, что ему показали папки томов уголовного дела и он решил, что у силовиков уже достаточно доказательств. Его обвинили в создании ячейки НБП и вовлечении в ее деятельность других людей, Крышку и Просвирнина — в участии[7].

«Эфэсбэшниками подразумевалось, что НБП и "Другая Россия" — это одна организация. Я говорил, я член другого НБП, которое сам создал. Там все очень...» — говорит Голубев и делает рукой изгиб, символизирующий нелепость конструкции.

Через два дня «Другая Россия» объявила, что троих подростков арестовали за продолжение деятельности запрещенной организации, и выразила опасение, что на них могут надавить ради нужных показаний. Активисты провели пикеты в поддержку арестованных челябинцев.

Голубев уверяет: он считал, что его признания отведет угрозу от «Другой России» и всячески настаивал, что идея назваться членами НБП была и его, и сотрудников ФСБ. Юноша, по его словам, настаивал, что никак не координировался с «Другой Россией», силовики были не особенно против.

«"Другая Россия" [в моих показаниях] фигурирует как сторонняя организация. [Силовики] читали телегу[8], у нас с мсье кое-кем из исполкома "Другой России" была переписка, в ходе которой он кое-что узнал. Они это тоже знали, говорят: "Давай показания, что он знал". Нет. "Давай показания, что ты координировался с Шалиной". Нет», — пересказывает Голубев свои разговоры с силовиками.

Шалина думает, что это была уловка оперативников: Голубев решил не сдавать знакомых из Москвы и назвался организатором ячейки НБП, а силовикам только это и было нужно. «Ты же можешь сознаться, что завандалил памятник, но не продолжал

деятельность экстремистской организации, это было баловство», — рассуждает она.

В обвинительном заключении — документе, содержащем пересказ доказательств по уголовному делу — утверждается, что Артем говорил следователю прямо противоположное: «Голубев показал, что является "нацболом", то есть сторонником незарегистрированной политической партии "Другая Россия", другое название — НБП».

Со слов Артема, он таких показаний не давал и при ознакомлении с делом ничего подобного не видел, эта фраза появилась только в обвинительном заключении. Получить сами протоколы допросов, уверяет Голубев, у него пока не получается: он подавал заявление в суд, ему пообещали перезвонить и не перезванивают. «Судья сиськи мнет», — сетует он.

Одиночный пикет в поддержку челябинских нацболов. Фото: Челябинское дело / ВКонтакте

Спаситель Артем

Находясь под арестом, молодой человек, по его словам, был в полной изоляции и не знал, что активисты «Другой России» начали кампанию в поддержку челябинцев, поэтому все втроем они решили придерживаться первоначального плана: говорить о «ячейке НБП» и брать вину на себя, соглашаясь на тех адвокатов, которые им

предоставило следствие. Дважды в дело пыталась войти адвокат Ольга Лепехина, но вскоре Голубев отказывался от ее услуг, так что никакой помощи оказать ему она не смогла.

Отказаться от адвоката требовали оперативники ФСБ, говорит Артем: товарищам сулили условные сроки, лишь бы их защитой не занималась Лепехина. Голубев поверил сотрудникам спецслужбы и не прогадал: все трое в сентябре действительно получили условные сроки и теперь находятся на свободе. Судебные заседания проходили в закрытом режиме. Даже отчитываясь о вынесении приговора, суд почему-то отказался уточнять, какое молодым людям назначили наказание.

«Я вхожу в дело, когда ему продлевают срок содержания под стражей: он пишет заявление, что согласен на защиту. Я должна ознакомиться с делом, мне дают время перед судом, мы согласовываем дату, когда я должна прийти знакомиться с делом, я прихожу в эту дату, и мне показывают заявление от Артема, что он отказывается от моих услуг, — вспоминает адвокат Ольга Лепехина. — Объяснения были нелепые, он какой-то бред начал нести, что я даже разбираться не стала. Понятно, почему он так поступал: ему не надо было, чтобы кто-то зашел в дело и посмотрел, что там. Как он мне объяснил, он принял удар на себя и ни на кого больше не наговорил, он хочет, чтобы все воспринимали его именно так, таким спасителем».

Александр Крышка. Фото: Челябинское дело / ВКонтакте

Голубев и Крышка много шутят, что они теперь — задокументированные члены НБП, вспоминают СИЗО и отдельно подчеркивают, как хорошо с ними обращались сотрудники ФСБ. В какой-то момент их рассказ прерывает посетитель бара, короткостриженный мужчина лет 35-40 в обтягивающей футболке, который играл на бильярде.

— Слышь, землячок, ты тут за мусоров, за СИЗО за все трешь, а если мы мусора, не боишься? — обращается он к Голубеву.

— Что-что? — переспрашивает юноша.

— Ты не боишься? Сидишь, орешь на весь бар, истории рассказываешь свои веселые.

— Это интервью.

— Да мне насрать, что вы делаете, — отрезает, по-видимому, полицейский и уходит в сторону, не дождавшись конкретного ответа.

С Михаилом Просвирниным корреспонденту «Медиазоны» встретиться не удалось: он не выходит на связь, друзья заходили к нему домой, но дверь открыли родители и сказали, что он пока общаться с ними не будет.

Политический кружок на 11 лет колонии

В июне 2016 года, когда Голубеву было всего 14 лет, челябинские силовики задержали пять человек по делу об экстремистском сообществе «Народная социал-демократическая политическая группа». Молодые люди, по версии следствия, в 2012-2014 годах расклеивали листовки «Жуй буржуя», агитировали военных, учились делать коктейли Молотова и хранили боеприпасы.

На троих уголовные дела заводить не стали: они во время активности сообщества еще были несовершеннолетними. Егор Петряков, известный нацболам как «Краснов», пошел на сделку со следствием, дал признательные показания и летом 2017 года получил условный срок. Пятого фигуранта, Артема Чернецова, вдобавок к созданию экстремистского сообщества и обороту боеприпасов обвинили в незаконном обороте наркотиков — его приговорили к 11 годам колонии строгого режима.

Юрий Вашурин — один из тех трех несовершеннолетних — описывает деятельность организации так: «Это политический кружок. Ходили в парк Гагарина, бегали, подтягивались на турниках, пару раз на лекции ходили». Он

признается, что силовики его «мурыжили» и намекали на тюрьму, чтобы Юрий подписал показания против Чернецова, в которых было и то, о чем Вашурин понятия не имел. Петряков, получив условный срок, рассказывал журналистам о своей роли в раскрытии преступления:

«Я рассказал, что делал и знал. Выдал схрон с боеприпасами, к которому я не имел отношения, а только знал, где он находится. Листовки с остросоциальными изображениями, лозунгами и адресом группы в соцсети расклеивал ее организатор, чтобы люди подписывались и читали новости».

Голубев уверен, что следили за ним еще в 2019 году. Теперь молодой человек думает, что они и подослали к нему в поезд Егора Петрякова, а тот, в свою очередь, свел его с Давыдовым-Баклажаном, информатором ФСБ. Такой же версии придерживаются в «Другой России»: «активист был "на крючке" силовых структур, поэтому его вынудили познакомить провокатора с Голубевым».

Сам Петряков в обвинительном заключении вообще не упоминается. Подробно обсуждать знакомство с юными нацболами он отказался, сказал лишь, что недолго общался с молодыми людьми, слышал «неоднократные призывы сделать что-либо подобное тому, на чем их повязали» и безуспешно пытался отговорить. Знакомство с будущим информатором Давыдовым он подтверждает, на этом — все. Хотя по материалам дела Давыдов обратился в ФСБ лишь после первой акции, Голубев и Крышка подозревают, что это не так, и он изначально был внедрен через Петрякова.

Нацболы провели свое мини-расследование и установили личность оперативника Демидова-Баклажана: его настоящая фамилия Носуленко упоминалась в одном из рапортов, через сервис *FindClone* нашелся аккаунт Александра Носуленко с ним на аватаре, а его имя обнаружилось в приказе о переводе на второй курс факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского госуниверситета.

Атака на «Другую Россию»

После обыска у одного из местных нацболов, который остался в деле свидетелем, в «Другой России» узнали, что дело возбуждено по статье именно о продолжении деятельности НБП, и предположили: оно может быть использовано для запрета «Другой России».

«Сначала мы конкретно очканули, увидев упоминание "Другой России", ожидали что в Москве кого-нибудь дернут на допрос. С информацией у нас

было крайне туго, материалов по минимуму. Парням дают условно и следаки понимают, что они могут все слить. Значит, они уже получили то, что им нужно, и физические лица не были главной мишенью, в том числе и центральное руководство партии. Тогда мы утвердились, что копают под запрет, ведь это гораздо эффективнее, чем отдельные головы рубить. Потом Артем дал обвинительное заключение, он наивно полагал, что, признавая вину, делает нам лучше. Но нет — в каждой формулировке сквозило желание прокурора и следствия притянуть партию "Другая Россия" как источник экстремистских побуждений. Сам Артем говорит что многие показания искажены», — рассказывает Шалина.

В российской судебной практике есть похожий случай. Организация «Армия воли народа» публициста Юрия Мухина, действовавшая с конца 1990-х годов, была признана экстремистской и запрещена в 2011 году. После этого Мухин создал Инициативную группу по проведению референдума «За ответственную власть». В 2015 году Мухин и трое его единомышленников, в том числе журналист-расследователь Александр Соколов, стали фигурантами уголовного дела — по версии следствия, ИГПР ЗОВ была прямым продолжением АВН. Хотя подсудимые и настаивали на обратном, Тверской районный суд признал их всех виновными.

Один раз силовики уже пытались доказать, что «Другая Россия» продолжает деятельность НБП, но им это не удалось. В Петербурге в 2012 году

рассматривалось дело в отношении активистов, обвиненных в продолжении деятельности НБП. Судья Выборгского районного суда Сергей Яковлев признал молодых людей виновными, но исключил из дела все эпизоды, произошедшие после 10 июля 2010 года — даты проведения учредительного съезда «Другой России». В приговоре прямо говорится: обвинение тогда не представило доказательств, в достаточной степени свидетельствующих, что НБП и «Другая Россия» — одна и та же организация.

На то, что силовики пытаются увязать «Другую Россию» с НБП, косвенно указывает и репортаж ГТРК «Южный Урал» о деле Голубева, Крышки и Просвирнина.

«[Национал-большевистская] партия умерла, но дело ее живет. Задержанные признали себя сторонниками общественного объединения "Другая Россия" — той самой, которая от и дело устраивает провокационные скандальные акции с сожжением файеров, дымовых шашек и даже публичным вскрытием вен, как, например, это сделала лидер московского отделения Ольга Шалина на экспозиции ФСИН в 2018 году», — говорит корреспондент.

Следом в кадре появляется человек, чье лицо затемнено, кто он — не уточняется. «"Другая Россия" использует ту же символику, ту же атрибутику, что и Национал-большевистская партия», — уверяет он.

Троих арестантов для репортажа снимали в СИЗО, Голубева — еще и дома после освобождения. Он вспоминает: когда он произнес на камеру слова

о раскаянии, корреспондент сказал ему: «Будем надеяться на чудо монтажа».

В конце сентября «Другая Россия» объявила о самороспуске и создании новой организации — «Другая Россия Э. В. Лимонова». Как говорит Шалина, решение принято не из-за дела Голубева — «это было бы мошенничеством» — а из-за смерти Лимонова:

«"Другая Россия" была создана Лимоновым, он умер 17 марта 2020 года. Делать вид, что ничего не происходит, мы не можем, и нужно было всерьез принять, что мы начинаем жить самостоятельно, с нуля, и теперь вся ответственность лежит на нас», — объясняет она. В новую партию, думает Шалина, Голубева не возьмут.

Сам Артем признается: он жалеет, что доставил нацболам столько хлопот, и что теперь несколько лет не сможет съездить в Москву.

Редактор: Дмитрий Трещанин

1. Статья 282.2 УК.

2. Свои помещения «Другая Россия» традиционно называет «бункерами» со времен, когда Эдуарду Лимонову удалось занять часть подвала в одном из московских жилых домов.

3. В годы Первой мировой войны военнопленные — подданные Австро-Венгрии чехи и словаки — вызвались воевать на стороне Антанты. В России их вооружили, но вскоре произошла Октябрьская революция. Красные попытались разоружить легионеров, те восстали и в Гражданской войне поддержали сначала Комитет учредительного собрания, а после его разгона — адмирала Колчака.

4. #RussianLivesMatter — «русские жизни важны». Этот хэштег использовали в твиттере российские либертарианцы как ответ на хэштег движения BlackLivesMatter.

5. В запрещенной НБП должность главы регионального отделения могла называться как «гауляйтер» в честь партийной должности в НСДАП, так и «комиссар» в зависимости от взглядов конкретного активиста.

6. Статья 214 УК.

7. Части 1 и 1.1 статьи 282.2 у Голубева, часть 2 этой же статьи — у Крышки и Просвирнина.

8. Переписку в телеграме.